
В. В. ПРУДНИКОВ

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ НОРМАННОВ В МАЛОЙ АЗИИ XI–XII ВВ.

Масштабные и энергичные деяния норманнов в Нормандии, Англии, Южной Италии и Сицилии, Малой Азии и Сирии не только не могли оставить невозмутимыми византийских и латинских хронистов, но и привели к возникновению в историографии проблемы идентификации норманнов. По сей день исследователи задаются вопросом о том, кем были эти люди? Как удалось им достигнуть блистательных успехов в регионах, столь различных по истории, климату и расположению? Куда они потом исчезли? Этой проблеме и посвящена представляемая статья.

Ключевые слова: норманны, самоидентификация, *Normannitas*, Малая Азия, норманнский миф.

Эдвард Гиббон в многотомной «Истории упадка и разрушения Римской империи» уделяет большое внимание проникновению норманнов на территории Византии. Опираясь на Г. Малатерру, он пытается определить черты «национального характера» норманнов в Южной Италии: «Но самые надежные права этих искателей приключений были основаны на завоевании, они никого не любили и никому не доверяли; им также никто не доверял и никто не любил; к презрению, которые чувствовали к ним коронованные владетели, примешивался страх, а к страху, который они внушали, примешивалась ненависть и жажда мщения. Эти иноземцы соблазнились при виде чужой лошади, чужой жены, чужого сада и забирали то, что им нравилось, а жадность их вождей лишь прикрывалась более благовидными названиями честолюбия и жажды славы» (Гиббон 2008: 319–320).

Немецкий просветитель XVIII в. Иоганн Готфрид Гердер в своем фундаментальном труде «Идеи к философии истории человечества» писал, что норманны, «мужество и удачливость которых почти невероятны» (Гердер 1977: 532), приобрели некоторые полезные свойства характера благодаря природе севера. «Обитатели северных побережий с их климатом и почвой по всему образу жизни,

по всему укладу долгое время оставались суровыми, закаленными людьми, но в них, особенно когда они начали странствовать по морям, заложены были семена, которые в более мягких зонах могли дать цветущие побеги. Свойства характера, которые должны были быстро приучить северного пирата к жизни на юге, были таковы: бесстрашие, физическая сила, большая ловкость в рыцарских искусствах, как стали именовать их позже, обостренное чувство чести и благородного происхождения, равно как и всем известное уважение, которое северные народы оказывают женскому полу, вознаграждающему самого храброго, красивого и благородного воина» (Гердер 1977: 532–533).

Труды историков XIX в. Г. де Арка (D'Arc 1830), С. де Базанкура (Bazancourt 1846) и Л. Шастенея (Chastenay 1811), англичанина Ф. Барлоу (Barlow 1886) и немецкого исследователя А. Шакка (1856) во многом созвучны идеям, которые высказывал И. Г. Гердер, и стремятся представить норманнов в романтическом свете.

В начале XX столетия американский исследователь Ч. Хаскинс опубликовал монографию о влиянии норманнов на историю Европы (Haskins 1915: 258). Он представляет Нормандию как родину людей, «которые подчинили Англию, Сицилию, которые открыли Канарские острова и проникли на Миссисипи, которые колонизовали Квебек и правили Иль-де Франсом» (*Ibid.*: 13). Сами норманны являлись «отважной, властной, беспринципной нацией, стремящейся к опасностям и готовой к любого рода приключениям, которая нуждается более в узде, чем в шпорах и понуканиях» (*Ibid.*: 15).

Хаскинс делит историю Нормандии на три периода. Первый период включает в себя приход северян во Францию и создание герцогства. Второй начинается с 911 г. и длится до франкского завоевания в 1204 г. Третий составляет около 700 лет, когда Нормандия существует в составе Франции (*Ibid.*: 17). Именно второй период, по мнению Хаскинса, составил пору наивысшего расцвета, когда Нормандия являлась мощной империей, оказывавшей влияние на Западную Европу.

Хаскинс считает, что норманнов за пределами Нормандии неизбежно ждала потеря идентичности. Они представляли собой не народ, но лишь небольшую группу энергичных предводителей, которые сыграли роль «закваски в тесте» того региона, куда они приходили. Их удивительная предприимчивость, способность к адаптации и ассимиляции приводили их к неизбежной гибели, но в качестве вознаграждения они получили «большой удельный вес в общем развитии цивилизации» (*Ibid.*: 247).

В первой трети XX в. представитель Школы хартий Ш. Пти-Дютайи в своей монографии «Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков» (Пти-Дютайи 2001) говорил о Нормандии, что «никакая другая область в королевстве не имела больше храбрых и беспокойных воинов. У этих потомков пиратов еще держался дух викингов с их страстью к приключениям, и герцоги с трудом удерживали их от слишком многочисленных эмиграций в те страны, где дрались: в Испанию, в Италию, на Восток» (Там же: 54).

«Везде, куда они шли, норманны приносили с собой известные навыки управления. К тому же есть указание на то, что от севера до юга Европы они старались поддерживать сношения друг с другом: они заимствовали из одного королевства в другое методы управления, которые были им открыты. Среди рыцарского общества, грубого и наивного, норманны не ограничивались тем, что раздавали добрые удары меча. Они размышляли: они уже обладали юридическим умом. Они являлись в эту эпоху народом, одаренным способностью господствовать» (Там же: 55).

Во второй половине двадцатого столетия в фокусе исследований ученых появляются вопросы самосознания норманнов и создателей норманнских хроник. Основными вопросами для такого рода исследований стало то, как норманнов воспринимали их соседи: враги и союзники; как норманны воспринимали самих себя на столь различных по культуре и истории территориях?

Л. Бем (Boehm 1969: 623–704) на конференции в Сполетто в 1965 г. представила доклад под названием «Nomen gentis Normannorum. Подъем норманнов в зеркале норманнской историографии», в котором рассмотрела проблему самосознания (Selbstverständnis) норманнов и осознание ими своей истории (Geschichtsbewusstsein). По своей сути этот доклад является первой работой, где систематически рассматриваются основополагающие темы и структурные компоненты в хрониках норманнских авторов, как то: самоназвание, происхождение, сознание своей племенной принадлежности, идея мирового господства, идеал норманнского правителя, норманнское христианство и духовно-культурный облик норманнов.

Основоположник изучения истории норманнов Р. А. Браун издал обобщающую работу «Норманны и норманнское завоевание» (Brown 1994a), где отмечает превосходство норманнов в искусстве войны, «которое сделало их господами собственного мира от Ирландского канала до восточных берегов Средиземного моря и далее» (*Ibid.*: 277). Именно это свойство норманнов ввергло Англию

в войны на континенте и преимущественно во Франции, которые длились с 1073 по 1815 г. (Brown 1994a: 277).

В другой работе, которую Браун лаконично назвал «Норманны» (*Idem* 1994b), он отстаивает перед учеными-«клеветниками» свой тезис о военном превосходстве норманнских рыцарей, доказывая, что Средневековье не было временем «обычных людей» и поэтому плохо поддается методам статистического исследования (*Ibid.*: 173)¹.

Он связывает вопрос идентификации норманнов с деятельностью института церковной организации. В соответствии с этим латинское христианство или, вернее сказать, норманнское христианство составляло суть понятия «Normannitas». Церковь Нормандии обеспечивала не только мотивацию норманнских рыцарей, но и единство, самоидентификацию, а также воодушевляла норманнов (*Ibid.*: 25).

Английский историк Р. Дэвис в книге «Норманны и их миф» (Davis 1976: 15) развивает мысль о том, что норманны, которые завоевали Англию, Италию и Антиохию, были разрозненными и не связанными между собой группами людей. При обращении к норманнским историкам он больше внимания уделял не следованию ими исторической истине, но относился к их сочинениям как к «доказательствам, которые упрочивали веру и надежду норманнов на тот момент, когда они писали» (*Ibid.*: 15).

Дэвис считает, что норманны не были единым народом, но осознавали себя таковым. «Если народ сформирован не на основе общего происхождения и языка, а на основе политической общности, военного или эмоционального опыта, он может составлять единую общность только до тех пор, пока опыт будет жить, передаваемый от поколения к поколению. Альтернативный вариант – если народ оказался без истории..., то единственным путем для создания народа может быть только создание мифа» (*Ibid.*: 15–16). Другими словами, норманны существовали как единый народ до тех пор, пока идентифицировали себя со своим мифом. В другом месте Дэвис говорит: «Не существует народа без образа или мифа, с кото-

---

¹ К «клеветникам» он относит таких как Э. Фримен, К. Мортон, Х. Мюнц и Д. Бэйтс, по мнению которого, завоевание Южной Италии были следствием не способности норманнов к ведению войны, но лишь широкого демографического движения. Себя же Браун, по всей видимости, относит к «старым ученым»: Ч. Хаскинсу, М. Блоху и др.

рым он себя идентифицирует. Этот образ мог быть представлен легендой или историей, поэзией, фольклором, или тем, что мы обычно называем “традицией”. Раскрыть этот образ – значит понять норманнов» (Davis 1976: 49).

Английский ученый Д. Дуглас рассматривает историю норманнов во Франции, Англии, Южной Италии и Сирии как поступательное движение с севера Европы на Восток одного народа. По его мнению, не миф, но сам «характер норманнов сформировался под влиянием процессов, которые шли в Нормандии в течение X и XI вв. Сила норманнов состояла в феодальной аристократии и реформированной церкви» (Douglas 1969: 27).

Дуглас заявляет, что «эти два движения дали результат в 1050 г. Значительные феодальные фамилии между 1070 и 1100 гг. показали свою силу в Италии и Сицилии и дали новую феодальную аристократию для Англии, но немногочисленную и сошедшую на нет уже в первой четверти XII в.» (*Ibid.*: 27–28).

Г. А. Лауд (Loud 1981: 104–116) считает, что средневековая концепция термина “gens” состояла из двух обособленных компонентов: идеи общего происхождения; наличия у каждого “gens” своих особых физических характеристик и своего природного менталитета (*Ibid.*: 110). Данная концепция существовала уже в античную эпоху и получила развитие в раннее Средневековье в трудах Исидора Севильского и историков эпохи Каролингов (*Ibid.*: 110–111).

По мнению Лауда, главной темой норманнской историографии было не единство и масштаб завоеваний норманнов, а своеобразные и особенные качества “gens normannorum”, что само по себе доказывало принадлежность к особому народу (*Ibid.*: 111).

Дудо из Сент-Квентина говорит, что норманны “gens belligera et effera” (племя воинственное и дикое), Вильгельм Жюмьежский – “gens ferrocissima” (племя очень свирепое), Вильгельм из Пуатье восхваляет “virtus Normannica” (норманнскую доблесть) (*Ibid.*: 111).

Миф о происхождении норманнов от троянцев, путем последовательного превращения последних в дакийцев, а затем в данов, был выдвинут основателем норманнской историографии Дудо из Сент-Квентина в начале XI в. Эта легенда была скопирована Вильгельмом Жюмьежским и с различными модификациями использовалась последующими норманнскими хронистами. Данный миф был очень популярным в Западной Европе на протяжении Средних

веков, многие народы, государства и города выводили свою родословную от троянцев.

Г. А. Лауд считает, что миф об особом народе: “gens normannorum”, созданный норманнскими интеллектуалами на основе «Этимологий» Исидора Севильского и античной традиции, с успехом заменил для норманнов реальную историю, в которой они не являлись народом с общим происхождением, ибо реальная история представлялась им довольно сомнительной и запутанной (Loud 1981: 114).

Наиболее подробно содержание термина “gens” рассматривает Уолтер Пол в рамках концепций изучения раннесредневековой этничности. Он отмечает, что все этнические термины несут на себе груз эмоций и способны уводить в сторону, и даже попытка заменить термин “gens” на более нейтральный «племя» не снимет методологическую проблему (Pohl 1998: 13).

В Средневековье народы не были однородными, принадлежность к определенной “gens” обладала скорее политическими и конфессиональными коннотациями, и наличие общего происхождения зачастую было мифом (*Ibid.*: 16). Этническая принадлежность имела значение только для правящей группы, не распространялась на низшие сословия, а социальное продвижение означало превращение в доминирующую группу с высоким престижем. Было бы ошибкой искать врожденную этничность, но скорее «этническую практику», которая воспроизводит связи, объединяющие группу. В политической сфере это означает стратегию и действия, которые можно реконструировать по литературным источникам, а в области культуры эта практика выражается в богатом разнообразии предметов и привычек, которые служат выражением этнической принадлежности (*Ibid.*: 17). В ходе рассмотрения проблемы У. Пол пришел к следующему выводу: этническая принадлежность не может считаться объективным явлением в Средневековье и субъективное этническое самосознание индивидуума или группы являлось определяющим фактором, хотя специфическая форма этнического сознания давала объектам этническое измерение (*Ibid.*: 20).

Британский профессор Королевской военной академии М. Беннет в вопросе исследования норманнской идентичности не пожелал следовать за Дэвисом или за Лаудом, но предложил свой собственный, свободный от «потасканных обобщений» (Bennett 1987: 25–42) подход. В фокусе исследований Беннета оказались произведения устной традиции: песни, поэмы, поговорки, легенды, в которых

он поставил цель выявить стереотип поведения норманнов (Bennett 1987: 26).

М. Беннет считает, что термин «стереотип» наилучшим образом инкапсулирует идею «Normannitas» как популярного и широко распространенного в массовом сознании образа норманнов (*Ibid.*: 27). На этом основании Беннет выделяет основные стереотипы поведения норманнов: норманнское коварство (*Ibid.*: 28), норманны-завоеватели (*Ibid.*: 29), участие в Реконкисте (*Ibid.*: 30) и Крестовых походах (*Ibid.*: 34), боевые навыки (*Ibid.*: 36) и т. п. В результате Беннет находит очень мало соответствий «общеизвестному» стереотипу норманнов в народной литературе и на этом основании предостерегает современных историков от стремления увидеть образ, который не существовал. По его мнению, прежде чем переходить к идентификации норманнов, необходимо идентифицировать в источнике те моменты, в которых эта идентификация выражалась, и попытаться объяснить причины ее появления в данном источнике и в данный момент (*Ibid.*: 42). Подход Беннета к проблеме идентификации норманнов нельзя назвать новаторским, и по своей сути он является позитивистским.

Идеи Р. Дэвиса успешно развивает в своей работе К. Поттс (Potts 1995: 139–152). Она наглядно показала, что в Нормандии, чьи границы на протяжении X–XI вв. оставались спорными, потомки викингов остро нуждались в легитимации. С этой целью норманнские правители приняли решение связать свою власть и авторитет с местными религиозными традициями. В то же время они не забыли традиции викингов и использовали репутацию выдающихся воителей. В последующем норманнские авторы продолжали отражать традицию смешанного наследия. Норманны восстанавливали монастыри и культы местных святых, тем самым они побуждали местных христиан «идентифицировать себя с их правлением и принимать границы их авторитета» (*Ibid.*: 151–152). Таким образом, по мнению К. Поттс, норманны создавали “ex diversis gentibus” единый народ – плод удачного брака традиций викингов и франков (*Ibid.*: 139).

Основываясь на тезисах Ч. Хаскинса и Г. А. Лоуда, И. Дрелл (Drell 1999: 187–202) подошла к проблеме идентификации норманнов в Южной Италии с вопросом о том, насколько были устойчивы к культурному поглощению пришельцы и коренные обитатели (*Ibid.*: 190, 187). Дрелл считает, что ситуация в Южной Италии и Сицилии «отражает тенденции», которые происходили в других ре-

гионах с присутствием норманнов (Drell 1999: 191). Дрелл делает вывод о том, что различные этнические группы демонстрировали устойчивость к культурной абсорбции, что в значительной степени поощрялось норманнскими правителями (*Ibid.*: 201–202).

Американский ученый Дж. Близ (Bliese 1991) на основе изучения образцов военной риторики (*Ibid.*: 3)² попытался выделить те особые качества норманнов, которые, по мнению норманнских хронистов, отличали их от других народов.

По его мнению, главным качеством в иерархии норманнских ценностей является «храбрость» захватчика, который действует из высших побуждений: из жажды территориальных приобретений (*Ibid.*: 16). Этот захватчик действует в меньшинстве с верой в то, что высшая сила придет к нему на помощь против крайне многочисленных, но в то же время слабых и невоинственных врагов (*Ibid.*: 17).

Основу этой уверенности в собственном преимуществе обеспечивала слава прежних военных побед, которая побуждала норманнов блюсти свою репутацию незапятнанной и подтверждать ее новыми победами (*Ibid.*: 17). Разумеется, что многие составляющие «норманнского мифа» содержали немало противоречий, которые только содействовали его укреплению в сознании норманнов.

Британский ученый Д. Бэйтс (Bates 1994: 19–35) считает, что исследования Д. Дугласа, Р. Дэвиса и Г. А. Лауда по вопросу идентификации норманнов имеют важное значение только при условии, что рассмотрение данного вопроса будет происходить с точки зрения того, «как Нормандия стала, а затем перестала быть центром завоевательного движения, колонизации и доминирования: проблемы “возвышения и падения”» (*Ibid.*: 20).

В качестве процессов «возвышения и падения» Бэйтс признает создание в X – начале XI в. правителями и аристократией герцогства Нормандского, послужившего основой для последующих завоеваний. В начале XI в. норманны пребывали в состоянии социального движения, которое было характерно для Северной Франции в целом (*Ibid.*: 26). В район Средиземноморья мигрировали не только норманны, но и представители аристократических фамилий Севера Франции (*Ibid.*: 27).

---

² Дж. Близ проанализировал 91 хронику из созданных в период с 1000 по 1250 г., в которых обнаружил 331 военную речь, произнесенную на поле битвы, и в том числе 16 норманнских хроник, содержавшие 36 речей норманнских предводителей, которые обращались к своим воинам.

Вслед за Д. Дугласом Д. Бэйтс признает существование описанного у Ордерики Виталия «норманнского мира», в рамках которого «отдельные личности продвигались и делали карьеры» (Bates 1994: 30). Но уже при жизни Ордерики Виталия в первой половине XII в. общее происхождение и единство *gens Normannorum* становится иллюзорным (*Ibid.*: 31)³.

Бэйтс продолжил развивать свои идеи в итоговой монографии, которую он недвусмысленно озаглавил «Норманны и империя» (*Idem* 2013: 256). Ссылаясь на норманнских авторов XII в. Вильгельма Мальмсберийского и Ордерики Виталия, Бэйтс осторожно заявляет о существовании в представлении современников некой «норманнской империи» (*Ibid.*: 128).

При этом ядром данной империи являлась Нормандия, которая в сочетании с периферией представляет собой психологический, физический и географический феномен (*Ibid.*: 129). По мнению Бэйтса, «норманнская империя» представляла собой «различные версии ядра и периферии как господствующего, эксплуатирующего, политического, фамильного и личного, которые формируют ощущение бесконечного разнообразия связей, поддерживающих, а иногда разрушающих империю» (*Ibid.*: 129).

Д. Бэйтс предлагает рассматривать понятие «Normannitas» как некий «эталон ценностей», как «продукт органических процессов, характерный для истории империй», которые возникают, стремятся к территориальной экспансии, а затем пребывают в состоянии относительной стабильности, сопровождаемый борьбой за единство империи (*Ibid.*: 178).

Бэйтс считает ошибочным сформировавшийся в историографии подход, в соответствии с которым принято изучать норманнские образования в «черно-белых терминах» (*Ibid.*: 182). Например, ответ на вопрос, насколько норманнскими были княжества Южной Италии, Сицилии и Антиохии, по версии Бэйтса звучал бы: «Исключительно норманнские и совершенно не норманнские» (*Ibid.*: 182).

С точки зрения Д. Бэйтса в этих княжествах на первых этапах преобразований господствовали выходцы из Нормандии и других областей Северной Франции, но как только были установлены «новые союзы власти», потомки норманнских «мигрантов» стали де-

---

³ В качестве точного времени заката «норманнского мира» Бэйтс называет 1144 год.

монстрировать свою идентичность с новыми сообществами и менее доброжелательно относиться к пришельцам с севера. Новых мигрантов следующие поколения зачастую воспринимали как разрушительную силу, но при этом активно поддерживали инфраструктуру, которая значительно облегчала социальное движение и делала новое сообщество открытым для всех (Bates 2013: 182).

Бэйтс говорит, что норманны в силу своей имперской идеологии были «запрограммированы на исчезновение»: их заботило совершение акта завоевания, которое укрепило бы память о них и социальные связи с Нормандией (*Ibid.*: 182).

Концепция Бэйтса зиждется на огромном опыте исследования норманнских источников и представляет интерес для рассмотрения деятельности норманнов в Малой Азии как части «норманнского мира».

К. В. Вольф (Wolf 1995) заинтересовался проблемой самосознания норманнских авторов и норманнов по данным итало-норманнских хронистов второй половины XI в., которые работали над тем, чтобы представить норманнское завоевание Южной Италии и Сицилии в выгодном для заказчиков свете и трансформировать чужеземных агрессоров в легитимных правителей. Вольф пришел к выводу о том, что работа сознания каждого из авторов оказала значительное влияние на созданный в их сочинениях образ норманнов. Он также выделил критерии оценок авторами норманнов. Вольф считает, что создание исторических хроник было продиктовано стремлением норманнских заказчиков «украсить» свое правление еще и историческим кодексом. В то же время Вольф не отрицает ценности норманнских хроник для изучения самосознания норманнов, так как «их авторы писали их в строгом соответствии с указаниями своих патронов» (*Ibid.*: 175).

Американская исследовательница профессор Э. Альбу посвятила целый ряд специальных работ норманнской исторической традиции, которую она подробно проследила от трудов норманнских хронистов в Нормандии, Южной Италии и Сицилии до норманнских хроник первого крестового похода (Albu 2003: 123–136; 2005: 1–15; 2001: 260).

В отличие от К. В. Вольфа, работы Э. Альбу характеризует более широкий охват норманнских источников. Несмотря на откровенный панегирический характер норманнских авторов, Альбу усматривает и наличие критического отношения к норманнам, которое со временем только усиливается. Если Дудо из Сент-Квен-

тина в начале XI в. ограничивается тонкими намеками и оговорками, то последующие авторы в мягкой или жесткой форме прямо заявляют о склонности норманнов к насилию, жадности, раздорам и необычайному коварству. Очевидно, что данный подход едва ли может считаться правильным в отношении всех норманнских хронистов и исследования Альбю имели бы большую ценность при более широком обращении к историческому контексту и реалиям той эпохи.

Профессор Кембриджа Марджори Чибнел в 2006 г. выпустила монографию “The Normans” (Chibnall 2006: 199), которая стала венцом ее семидесятилетней научной карьеры. Она начинает ее следующими словами: «Норманнский народ был продуктом не крови, но истории» (*Ibid.*: 3), из которых сразу становится понятно, насколько большое значение автор придает изучению «норманнского мифа». В отдельной главе М. Чибнел рассмотрела его эволюцию со времени появления его в хрониках Нормандии до историографии XIX столетия. Она считает, что когда норманны приступили к созданию исторических хроник, они создавали миф, но при этом являлись реальным народом, созданным из различных рас (*Ibid.*: 24).

М. Чибнел рассматривает «норманнский миф» как динамичное явление, которое менялось вместе с норманнами на протяжении XI–XII вв. от Англии до Сирии. Изнанку этого мифа составляли «военное умение, сильное правление и безжалостное принуждение к исполнению закона, характерные для норманнов и их сторонников, которые обосновались на столь различных территориях» (*Ibid.*: 177).

Н. Веббер написал работу с многообещающим названием «Эволюция норманнской идентичности 911–1154 гг.» (Webber 2005: 195). В своем исследовании он рассмотрел каждого норманнского хрониста по отдельности. При этом он часто обращается к историческому контексту (в Нормандии, в Южной Италии и Сицилии, а также в Англии после 1066 г.) с целью определить этническую принадлежность норманнов, которую условно разделяет на «внутреннюю» и «внешнюю» идентичность. Он также привлекает хроники крестовых походов.

Несмотря на новаторство применяемой Веббером методики, он пришел к известным ранее по работам других исследователей выводам о том, что с точки зрения хронистов норманнов отличали военная доблесть, благочестие, а также способность сплачивать разнородные этнические группы в единый народ.

В 2008 г. на базе Ланкастерского университета в Великобритании был запущен проект «Норманнская окраина: Идентификация и создание государств на границах Европы» (The Norman... n. d.). В рамках данного проекта профессор К. Стрингер, профессор Э. Йотицкий, А. Меткальф и другие ученые занимаются пересмотром сложившихся представлений о «политической онтологии норманнского мира» в Англии, Южной Италии и на латинском Востоке в период с 1050 по 1200 г. (*Ibid.*)

В фокусе их исследований находятся связи внутри сообществ, образованных норманнами в различных регионах с местными элитами; процесс создания отношений внутри этих сообществ и то, какое значение это имело для развития Европы. Таким образом, авторы проекта признают существование «норманнского мира», искусственно созданного средневековыми хронистами, и рассматривают, насколько глубоко во взаимодействии с местными элитами повлияли идеи “Normannitas” на политическое развитие норманнских государств (*Ibid.*).

По результатам работы данного проекта в свет вышел сборник статей «Норманнская экспансия» (Stringer, Jotischky 2013: 276). Безусловным преимуществом опубликованных в этом сборнике работ может считаться введение в оборот новых данных о пребывании норманнов на «окраинах» западного мира. В то же время подход к изучению поставленных проблем был осуществлен авторами в рамках традиционных для английской историографии категорий и методов исследования.

В настоящее время ученые Западной Европы: С. Буркхардт, Т. Фёрстер, Г. А. Лауд, С. Соннесин и др. приходят к переосмыслению «норманнского мифа», предлагая новое видение проблем самоидентификации норманнов⁴.

В частности, профессор Гейдельбергского университета С. Буркхардт и Т. Фёрстер считают самой важной особенностью всех норманнских завоеваний культурную адаптацию: способность пренебрегать собственной культурной традицией ради интеграции, а точнее, традиции норманнов были достаточно гибкими, чтобы обеспечить успех интеграции (Foerster, Burkhardt 2013a: 3). Именно через подобную «адаптивность» норманнской культуры они пред-

---

⁴ Различные аспекты культурных взаимовлияний были рассмотрены на международном симпозиуме «Норманнская традиция и транскультурное наследие», который проводился в Гейдельберге в апреле 2010 г. По итогам работы симпозиума был издан сборник (Foerster, Burkhardt 2013b).

лагают рассматривать «достижения норманнов» (Foerster, Burkhardt 2013a: 4).

Под традицией С. Бурхардт и Т. Фёрстер понимают некую «память социальной группы», которая отвечает за интеграцию и идентификацию (обычаи, идеалы, закон, язык, общий опыт), может быть постоянной и непостоянной, иметь форму и не обладать таковой. Наследие представляет собой память другого рода: «окаменевшую» традицию, неспособную к моделированию и изменению, имеющую региональные границы. Именно из смешения традиции и локального наследия возникали новые структурные образования в обществах с участием норманнов (*Ibid.*: 7).

Редакторы сборника полагают, что норманны были «воображаемым сообществом» (*Ibid.*: 14), то есть хронисты в Нормандии создали то, что принято именовать “Normannitas” – некую культуру храбрости и завоевания. Откуда последующие поколения понесли свою “Normannitas” в различные части света (*Ibid.*). Но, по мнению авторов, это была уже не в чистом виде “Normannitas”, а лишь «различные аспекты норманнских традиций – которые являлись норманнскими потому, что они пришли из Нормандии, а не потому, что были особенно воинственными» (*Ibid.*).

Смешение норманнских традиций с местным наследием привело к образованию новых культурных форм. На севере Европы возникла англо-норманнская общность, которая продолжила экспансию в Ирландии, Шотландии и Уэльсе. На юге возникло итало-норманнское сообщество, которое также продолжило экспансию в районе Средиземноморья. И на вновь приобретаемых территориях продолжился процесс смешения вновь образованных традиций с местным наследием. И вновь хронисты заняты конструированием новых идентичностей, нового «мифа» (*Ibid.*: 16–17).

В этом процессе образования новых традиций “Normannitas” очень быстро сходит на нет, за исключением гибридных, полиэтнических сообществ, в которых этническая идентичность основывается на происхождении и наличии инаковости (*Ibid.*: 18).

Специалист по средневековой философии и теологии С. Соннесин (Sonnesyn 2013: 203–218) вслед за Г. Лаудом обращается к средневековой концепции этничности: что норманнские хронисты понимали под терминами “gens”, “natio”, “populus” (*Ibid.*: 204–205)? Он приходит к выводу, что для средневековых авторов эти термины равнозначны и указывают на социально-политическое сообщество (*Ibid.*: 212). А это указание, в свою очередь, демонстрирует

яркое сходство “gens Normannorum” с “populus Romanus” после основания Рима (Sonnesyn 2013: 212).

По мнению Соннесина, основу римского общества составляли не социальные организации и союзы, но в первую очередь этические связи и дружеские отношения (*Ibid.*: 213). Данное понимание человеческого общества, которое нашло отражение в речах Цицерона, стало основой концептуального произведения христианской этики и политики «О Божьем граде» Августина (*Ibid.*).

Основным критерием определения общества у Августина является христианская вера. Объединяющим принципом для “populus” является прямая аналогия с человеческой душой, которая признается величайшей истиной и благом. Все христиане объединяются в единое тело с одной головой, символизирующее Христа, через мистический обряд причастия. По аналогии с духовным телом существует тело политическое во главе с правителем. Именно концепция Августина легла в основу «основных текстов западного монашества», которые оказали значительное влияние на формирование большинства норманнских историков (*Ibid.*: 214).

Подобно римлянам, норманны возникли как народ благодаря деяниям своих предводителей, принимавших под свои знамена всех желающих. Таким образом, Соннесин ставит во главу угла не этническую, а социально-политическую и религиозную самоидентификацию норманнов. Поэтому он считает нужным говорить не об этногенезе «рождения народа» норманнов, а об этнопоэзии «создания народа» выдающимися деятелями и историками (*Ibid.*: 206).

Исследования по истории норманнов в Западной Европе позволяют перейти к изучению вопроса идентификации норманнов на Востоке.

Вдохновленный исследованием Р. Дэвиса, Дж. Херманс (Hermans 1979: 78–92) предложил взглянуть на «норманнов и их миф» глазами византийских авторов XI–XII вв., рассматривая свою работу как дополнение к книге Р. Дэвиса. Византийцы считали норманнов превосходными всадниками; хитроумными политиками; умелыми мореходами; непобедимыми в военных предприятиях; при этом необычайно жестокими (*Ibid.*: 91). Поэтому византийцы испытывали постоянный страх перед норманнскими вторжениями (*Ibid.*: 92).

В заключение Херманс делает вывод о том, что византийцы знали о норманнах крайне мало. В то же время «норманнам была отведена крайне важная роль в игре, но это была византийская иг-

ра, которая имела еще меньше связей с реальностью, чем “норманнский миф”!» (Hermans 1979: 92).

В отличие от Дж. Херманса византинист П. Магдалино (Magdalino 1996: 38) более обстоятельно подошел к вопросам восприятия норманнов византийцами в своей книге, в которой он отмечает следование византийскими авторами при описании норманнов византийским доктринам экуменизма и “Romanitas”. Согласно этим доктринам, латинский Запад и норманны рассматривались византийцами как часть империи и как естественный компонент защиты против реальных врагов: турок-сельджуков. Возможно, что унаследованная византийцами традиция побуждала хрониста Михаила Атталиата призывать «облечь военной властью и поручить освобождение от захватчиков восточных областей» Русселю де Байолю.

Перелом в сознании византийских авторов произошел в ходе Первого крестового похода и образования Антиохийского княжества. Анна Комнина продолжает восхищаться норманнскими предводителями Робертом Гвискараром и Боэмундом Тарентским, но в ее представлении это уже не равные византийцам «ромеи», а чужаки и варвары.

К. Потс считает, что Анна Комнина видела в норманнах «хищных, ненадежных, войнолюбивых варваров» (Potts 2003: 19–42). Независимо от того, была ли у норманнов хорошая или плохая репутация, после завоеваний в Англии, Южной Италии, Малой Азии она неоднократно увеличилась (*Ibid.*: 36).

Г. Гердер считал, что сам рыцарский дух Западной Европы возник из слияния культурных традиций норманнов и арабов. «Когда романтический характер норманнов, любовь их к приключениям, пристрастие к героическим сказаниям и рыцарским искусствам, их глубокое почитание женщин соединились с утонченным рыцарским духом арабов, – вот тогда рыцарство стало распространяться в Европе и обрело прочную почву под ногами» (*Ibid.*: 587). По этой причине крестовые походы на Восток возникли благодаря рыцарству, а не наоборот (*Ibid.*: 593). И единственным результатом крестовых походов было то, «что подлинный цвет рыцарства был погублен и настоящие рыцари – с мечом в руках – превратились в рыцарей на гербовой бумаге» (*Ibid.*: 593).

По мнению Р. А. Брауна, поход норманнов во главе с Боэмундом на Антиохию являлся «аристократической колонизацией и (в современной терминологии) захватом» (Brown 1994b: 136). Уча-

стие в Первом крестовом походе снимало массу противоречий в сознании современников и позволяло объединить путь рыцаря и монаха (Brown 1994b: 135). Идеалы “Normannitas” легли в основу концепции священной войны, были задействованы в движении крестоносцев и получили наивысшее развитие в деятельности военных орденов тамплиеров и госпитальеров (*Ibid.*: 160). В Антиохии норманнам не удалось интегрироваться в местное сообщество, подобно тому как это было в Англии и Италии (*Ibid.*: 157).

Таким образом, по мнению Брауна, норманнских рыцарей можно было узнать по их способностям к военному делу и благочестию. Он отстаивает идею о том, что Боэмунд Тарентский в Первом крестовом походе вел себя очень благочестиво и в соответствии со взятым на себя обетом (*Ibid.*: 165).

Алан Мюррей подошел к вопросу идентификации норманнов на Востоке с помощью метода просопографии. В статье «Насколько норманнским было княжество Антиохийское? Прологомены к изучению происхождения аристократии государства крестоносцев» (Murray 1997: 349–360) он приходит к выводу о том, что норманны составляли «основной элемент аристократии Антиохии» (*Ibid.*: 359).

В то же время Мюррей отмечает, что среди средневековых хронистов нет единства в вопросе определения правящей верхушки норманнского княжества: если Вильгельм Жюмьежский и Ордерик Виталий продолжают именовать их «gens Normannorum», то авторы Латинского Востока Фульхерий Шартрский и Вальтер Канцлер предпочитают относить их к «gens Francorum» (*Ibid.*). Мюррей предположил, что в условиях существования на Востоке норманны Антиохии, «сохраняя прочные связи со своими родинами, были готовы увидеть концепцию отдельной расы норманнов, включенной в общую национальность франков» (*Ibid.*).

С оригинальных позиций М. Беннет подходит к вопросу идентификации норманнов в Первом крестовом походе и Антиохийском княжестве (Bennett 2003: 87–103). Он попытался дать ответ на вопрос о том, насколько «норманнскими» по характеру были: наследование владений и распоряжение ими; сбор войск и налогов; управление созданными государствами (*Ibid.*: 93).

Беннет считает, что для всех норманнских образований в Средиземноморье была характерна «франкская» модель создания монархий, которые только номинативно были византийскими или восточными, что само по себе было данью латинских иммигрантов

формам репрезентации власти на покоренных территориях (Bennett 2003: 102).

Также норманны не пытались насадить феодальные институты и отношения в подвластных им обществах (*Ibid.*). М. Беннет не верит в смешение культурных традиций под норманнским господством, но в то же время признает, что созданные норманнами государственные образования надолго пережили их династии (*Ibid.*).

Н. Ходжсон выдвинула тезис об изменении самоидентификации норманнов в ходе Первого крестового похода на Восток (Hodgson 2007: 117–132). В качестве основного источника она использовала хронику норманнского автора Рауля Канского «Деяния Танкреда». Ходжсон совершенно справедливо говорит о недостаточном внимании исследователей к вопросам идентификации норманнов на Востоке (*Ibid.*: 117), а равно и к изучению важного, с ее точки зрения, источника, посвященного «деяниям Танкреда» (*Ibid.*: 124).

Ходжсон подошла к изучению норманнского мифа о gens Normannorum, опираясь на работы Г. А. Лауда (*Ibid.*: 119). В соответствии с этим подходом она выделяет ряд присущих норманнам качественных характеристик, которые нашли отражение в хрониках крестовых походов: «...амбиции, агрессивность, щедрость, алчность, храбрость и коварство» (*Ibid.*: 120).

Когда Бозмунд Тарентский как истинный норманн предпочитает остаться в Антиохии, то его племянник Танкред, в представлении Рауля, уже выбирает отправиться в Иерусалим как “miles Christi” (*Ibid.*: 121). Но это не означает, что Танкред был начисто лишен «темной стороны Normannitas»: алчности, жажды добычи и территориальных приобретений, склонности к насилию и коварству (*Ibid.*: 127). Напротив, по ходу повествования у Родульфа Танкред, как и Бозмунд, предстает носителем вышеперечисленных «традиционных “норманнских” характеристик» (*Ibid.*: 128).

Проповедь крестового похода имела огромное значение для юных норманнских рыцарей, так как позволяла объединить два пути: мирской и духовный (*Ibid.*: 129). Рауль видит свою задачу в том, чтобы показать трансформацию норманнского рыцаря Танкреда «в новый тип христианского воина, готового к новым завоеваниям – крестоносца» (*Ibid.*: 132).

Среди опубликованных в сборнике статей «Норманнская экспансия» (Stringer, Jotischky 2013: 276) внимания заслуживает статья Лин Клирик «Gesta Normannorum? Норманны в латинских храни-

ках первого крестового похода» (Ni Chleirigh 2013: 276). В ней рассматривается вопрос о том, насколько «норманнскими» являлись авторы, которые описывали участие норманнов в походе на Восток. Клирик приходит к выводу, что хроники крестовых походов ставили своей целью прославление не норманнов, но христиан-франков, которых они именовали “Franci” или “Francigena” и которые говорили на одном языке. Единственным исключением являлось произведение Рауля Канского, который описывал не крестовый поход, но «деяния Танкреда» и полагал своей целевой аудиторией правящую верхушку Антиохийского княжества (*Ibid.*: 113).

Приведенные выше исследования наглядно демонстрируют, что представления норманнов о самих себе не оставались неизменными. На протяжении столетий они постоянно претерпевали трансформации и превращения. Накопленный материал позволяет приступить к изучению данного процесса более детально.

Литература

Гиббон, Э. 2008. *История упадка и разрушения Римской Империи*. в 7 т. Т. 6. М., с. 319–320.

Гердер, И. Г. 1977. *Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука.

Пти-Дютайи, Ш. 2001. *Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков*. СПб.: Евразия.

Шакк, А. 1856. *История норманнов в Сицилии*. СПб.

Albu, E.

2001. *The Normans in their Histories: Propaganda, Myth and Subversion*. Woodbridge: The Boydell Press.

2003. The Normans and their Myths. *The Haskins Society Journal* 11: 123–136.

2005. Probing the Passions of a Norman on Crusade: the Gesta Francorum et aliorum Hierasolimitanorum. *Anglo-Norman Studies* 27: 1–15.

Barlow, J. F. 1886. *A Short History of the Normans in South Europe*. London.

Bates, D.

1994. The Rise and Fall of Normandy. In Bates, D., Curry, A. (eds.), *England and Normandy in the Middle Ages*. London: The Hambledon press, pp. 19–35.

2013. *The Normans and Empire*. Oxford: Oxford Press.

Bazancourt. 1846. *Histoire de la Sicile sous la domination des normands*. T. 1–2. Paris.

Bennett, M.

1987. Stereotype Normans in Old French Vernacular Literature. *Anglo-Norman Studies* 9: 25–42.

2003. The Normans in the Mediterranean. In Harper-Bill, Ch., van Houts, E. (eds.), *A Companion to the Anglo-Norman World*. Woodbridge: The Boydell Press, pp. 87–103.

Bliese, J. 1991. The Courage of the Normans – A Comparative Study of Battle Rhetoric. *Nottingham Medieval Studies* 35: 1–26.

Boehm, L. 1969. Nomen gentis Normannorum. Der aufstieg der Normannen im spiegel der Normannischen historiographie. *I Normanni e la loro espansione in Europa nell'ato medioevo*. Spoleto: Presso la Sede des Centro, pp. 623–704.

Brown, R. A.

1994a. *The Normans and the Normans conquest*. Woodbridge: Boydell & Brewer.

1994b. *The Normans*. Woodbridge: Boydell & Brewer.

Chastenay, L. 1811. *Les chevaliers normands en Italie et en Sicile*. Paris.

Chibnall, M. 2006. *The Normans*. Oxford: Blackwell.

Davis, R. H. C. 1976. *The Normans and their Mith*. London: Thames and Hudson Ltd.

D’Arc, C. 1830. *Histoire des conqvetes des normands en Italie et Sicile*. Paris.

Davis, R. H. C. 1976. *The Normans and their Mith*. London: Thames and Hudson Ltd.

Douglas, D. C. 1969. *Norman Achievement 1050–1100*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

Drell, J. H. 1999. Cultural Syncretism and Ethnic Identity: The Norman “Conquest” of Southern Italy and Sicily. *Journal of Medieval History* 25(3): 187–202.

Foerester, T., Burkhardt, S.

2013a. Tradition and Heritage: The Normans in the Transcultural Middle Ages. In Foerester, T., Burkhardt, S. (eds.), *Norman Tradition and Transcultural Heritage. Exchange of Cultures in the “Norman” Peripheries of Medieval Europe*. Farnham: Ashgate.

2013b (eds.). *Norman Tradition and Transcultural Heritage. Exchange of cultures in the “Norman” peripheries of medieval Europe*. Farnham: Ashgate.

Haskins, C. H. 1915. *The Normans in European history*. Boston; New York: Houghton.

Hermans, J. 1979. The Byzantine view of the Normans. Another Norman myth? *Anglo-Norman studies* II: 78–92.

Hodgson, N. 2007. Reinventing Normans as Crusaders? Ralf of Caen's Gesta Tancredi. *Anglo-Norman Studies* 30: 117–132.

Loud, G. A. 1981. "The 'Gens Normannorum': Myth or Reality?" *Anglo-Norman Studies* IV: 104–116.

Magdalino, P. 1996. *The Byzantine Background to the First Crusade*. Toronto: Canadian Institute of Balkan Studies.

Murray, A. V. 1997. "How Norman was the Principality of Antioch? Prolegomena to a Study of the Origins of the Nobility of a Crusader State. In Keats-Rohan, K. S. B., Woodbridge, P. (eds.), *Family Trees and the Roots of Politics: The Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century*. Rochester, New York: Boydell & Brewer, pp. 349–360.

Ni Chleirigh, L. 2013. Gesta Normannorum? Normans in the Latin Chronicles of the First Crusade. In Stringer, K. J., Jotischky, A. (eds.), *Norman Expansion: Connections, Continuities and Contrasts*. Farnham: Ashgate Publishing.

Pohl, W. 1998. Conception of Ethnicity in Early Medieval Studies. In Little, L. K., Rosenwein, B. H. (eds.), *Debating the Middle Ages. Issues and Readings*. Malden, Mass.: Blackwell.

Potts, C.

1995. "Atque unum ex diversis gentibus populum effecit: Historical Tradition and the Norman Identity". *Anglo-Norman Studies* 18: 139–152.

2003. *Normandy, 911–1144. A Companion to the Anglo-Norman World*. Woodbridge: The Boydell Press.

Sonnesyn, S. 2013. The Rise of the Normans as Ethnogenesis. In Foerster, T., Burkhardt, S. (eds.), *Norman Tradition and Transcultural Heritage. Exchange of Cultures in the 'Norman' Peripheries of Medieval Europe*. Farnham: Ashgate, pp. 203–218.

Stringer, K. J., Jotischky, A. (eds.). 2013. *Norman Expansion: Connections, Continuities and Contrasts*. Farnham: Ashgate Publishing.

The Norman Edge: Identity and State-Formation on the Frontiers of Europe. N. d. URL: <http://www.lancaster.ac.uk/normanedge/Links/homepage.htm> (дата обращения: 25.09.2014).

Webber, N. 2005. *The Evolution of Norman Identity, 911–1154*. Woodbridge: The Boydell Press.

Wolf, K. B. 1995. *Making History. The Normans and their Historians in Eleventh-century Italy*. Philadelphia.